Зов Ктулху

Автор:
Говард Филлипс Лавкрафт

Зов Ктулху

Говард Филлипс Лавкрафт

Ктулху, Дагон, Йог-Сотот и многие другие темные божества, придуманные Говардом Лавкрафтом в 1920-е годы, приобрели впоследствии такую популярность, что сотни творцов фантастики, включая Нила Геймана и Стивена Кинга, до сих пор продолжают расширять его мифологию. Каждый монстр в лавкрафтовском мире олицетворяет собой одну из бесчисленных граней хаоса. Таящиеся в глубинах океана или пребывающие в глубине непроходимых лесов, спящие в египетских пирамидах или замурованные в горных пещерах, явившиеся на нашу планету со звезд или из бездны неисчислимых веков, они неизменно враждебны человечеству и неподвластны разуму. И единственное, что остается человеку – это держаться настороже… Перевод Юлии Шматько.

Говард Филлипс Лавкрафт

Зов Ктулху

(Найдено среди бумаг покойного Френсиса Вейланда Тёрстона из Бостона)

“А ведь могучие силы и существа, возможно, и по сей день живут среди нас… эти живые воплощения тех древних времен, когда разум существовал в формах, появившихся еще задолго до прихода в этот мир человечества… мимолетная память о них дошла до нас лишь в песнях и стихах, сказаниях и легендах, где их называют богами, монстрами и всякими прочими мифическими существами…”

– Алджернон Блэквуд.

Часть 1.

Ужас, запечатленный в глине.

Человек не способен до конца постичь свой собственный разум, и в этом, я думаю, заключается самый щедрый и милосердный дар, полученный им от матушки-природы. Мы не больше, чем аборигены, живущие на безмятежном острове невежества, со всех сторон окруженные черными водами бесконечности, что как бы наглядно должно нам показывать, что отплывать далеко от берегов может быть крайне опасно. Разные науки, каждая из которых развиваясь в своем собственном направлении, до сих пор не причиняли человечеству много вреда. Но однажды эти разрозненные знания соединятся воедино и откроют настолько ужасающие перспективы реальности и нашего ужасного положения в ней, что мы либо сойдём с ума от такого озарения, либо убежим от этого смертоносного света знаний подальше в темный и невежественный, но безопасный мир нового Средневековья.

Теософы догадывались об устрашающем величии и значении космического цикла, в котором наш мир и человечество – это все лишь временные величины. Свои догадки о странных древних существах, которые дожили до наших дней, они пытались разбавлять успокоительным оптимизмом, чтобы не повергнуть умы людей в полнейший ужас. Но не догадки теософов открыли мне глаза на эти таинственные и запретные вопросы. Вопросы, от одной мысли о которых меня охватывает страх, вопросы, которые не дают мне спокойно спать. Как и все ужасные проблески истины, это озарение тоже вспыхнуло предо мной в результате случайного соединения воедино, казалось бы, абсолютно несвязанных между собой вещей – в данном случае старой газетной статьи и заметок умершего профессора. Я надеюсь, что больше никто не станет искать эту связь. Если я выживу, я никогда сознательно не стану добавлять звенья в эту леденящую душу цепочку знаний. Думаю, профессор тоже планировал сохранить в тайне то, что знал, и он наверняка уничтожил бы свои записи, если бы не его внезапная смерть.

Впервые я узнал об этом зимой 1926-1927 годов вскоре после того, как умер мой двоюродный дедушка Джордж Гэммелл Энджелл, почетный профессор

семитских языков в Университете Брауна, Провиденс, штат Род-Айленд. Профессор Энджелл был широко известен как специалист по древним надписям и к нему часто обращались за помощью руководители известных музеев, так что его смерть в возрасте девяноста двух лет не прошла незамеченной в ученом мире, а ее таинственные обстоятельства еще больше подогревали всеобщий интерес. На профессора напали, когда он возвращался с пристани после своего визита в Ньюпорт. По словам свидетелей, он внезапно упал после того, как столкнулся с похожим на матроса негром, который вышел из темного закоулка за крутым склоном холма. Этот путь был самым коротким от набережной до дома покойного на Уильямс-стрит. Врачи не обнаружили никаких видимых повреждений и после долгих споров пришли к выводу, что причиной смерти стало какое-то непонятное поражение сердца, вызванное резким подъемом по крутому холму столь пожилым человеком. В то время я не видел причин возражать против этого заключения, но в последнее время у меня возникает все больше вопросов и сомнений.

Поскольку мой двоюродный дедушка умер бездетным вдовцом, то на меня, как на его наследника и душеприказчика, легла обязанность тщательно перебрать и пересмотреть его записи и документы. Для этого я собрал его многочисленные папки и ящики, и отвез их в свою квартиру в Бостоне. Большая часть материала была передана мной в Американское археологическое общество и будет позже опубликована. Но один из ящиков дедушки особенно привлек мое внимание. Честно говоря, его содержимое меня чрезвычайно озадачило и мне совершенно не хотелось показывать его посторонним. Он был заперт, и ключа от него нигде не было, но потом мне в голову пришла мысль осмотреть карманы пиджака покойного профессора. Там я действительно нашел необходимый ключ и открыл ящик, но когда я это сделал, то столкнулся с еще более сложной загадкой. Ибо что мог означать странный глиняный барельеф и на первый взгляд абсолютно не связанные между собой записи, наброски и вырезки, которые я нашел? Неужто мой дед на старости лет ударился в суеверия и прочие сверхъестественные глупости? Я решил отыскать эксцентричного скульптора, чье странное творения явно стало причиной нарушения душевного покоя старика.

Барельеф представлял собой грубый прямоугольник размерами где-то двенадцать на пятнадцать сантиметров и толщиной около двух сантиметров. Он был явно изготовлен недавно, однако его дизайн был далек от современного искусства по стилю и манере исполнения. И хотя примитивные формы кубизма и футуризма многочисленны и причудливы, они зачастую не способны передать ту загадочную закономерность линий, которая таится в древних письменах и предметах культуры. Но надписи на барельефе безусловно казались архаичными, хотя, несмотря на то, что я был хорошо знаком с учеными диссертациями и коллекциями моего деда, я никак не мог идентифицировать этот конкретный вид письма или хотя бы отдаленно установить его принадлежность к той или иной письменности.

Над этими буквами или иероглифами было явно изображено что-то или кто-то, однако такое импрессионистическое исполнение не позволяло четко понять, что именно там было изображено. Это было что-то вроде портрета или символа чудовища, сложно было тогда сказать наверняка, но я точно знал, что такое могла породить только больная фантазия. Если я скажу, что мое несколько экстравагантное воображение увидело в этом всем одновременно изображение осьминога, дракона и карикатуры на человека, не думаю, что буду далек от истины. Мясистая голова со щупальцами венчала гротескное чешуйчатое тело с чем-то, что отдаленно напоминало крылья. Но даже не отдельные детали, а именно общие очертания всего этого существа делали его столь ужасающим. Фигура была изображена на фоне архитектурных сооружений, отдаленно напоминающие циклопическую кладку из больших тёсаных каменных глыб.

К этому странному барельефу, помимо пачки вырезок из газет, прилагались совсем свежие записи, сумбурные и сбивчивые, но определенно написанные рукой самого профессора Энджелла. Среди них была рукопись под названием “КУЛЬТ КТУЛХУ”, причем написано название было тщательно выведенными печатными буквами, дабы избежать ошибочного прочтения столь странного слова. Рукопись была разделена на два раздела, первый из которых назывался “1925 год. Сны и снотворчество Г. А. Уилкокса (Томас-стрит, 7, Провиденс, Род-Айленд)”, а второй “Выступление инспектора Джона Р. Леграсса (Бьенвилль-

стрит, 121, Новый Орлеан, Лос-Анджелес) на конференции Американского археологического общества в 1908 году – с заметками на эту тему – и доклад профессора Уэбба”. Остальные документы представляли собой краткие заметки, некоторые из них рассказывали о странных снах людей, некоторые листки бумаги были полностью исписаны цитатами из теософских книг и журналов, особенно часто встречались труды У. Скотта-Эллиота, а именно его “Атлантида и Затерянная Лемурия”. Также там были записи о древних тайных обществах и культах со ссылками на отрывки из таких работ в области мифологии и антропологии, как “Золотая ветвь: Исследование магии и религии” Джеймса Фрэзера и “Культ ведьм в Западной Европе” Маргарет Мюррей. Вырезки из газет в основном касались ужасных психических заболеваний и вспышек группового безумия и мании весной 1925 года.

В первой части рукописи описывалась одна очень странная история. Оказывается, 1 марта 1925 года к профессору Энджеллу обратился некий худощавый молодой человек нервного и возбужденного вида. Собственно он то и принес ему тот жуткий глиняный барельеф. Барельеф этот был только недавно изготовлен и глина даже еще не успела полностью высохнуть. Согласно визитной карточке его звали Генри Энтони Уилкокс, и мой дядя узнал в нем младшего сына одной весьма приличной и уважаемой семьи, о которой он слышал лишь вскользь. Этот молодой человек изучал скульптуру в Род-Айлендской школе дизайна и жил в студии искусств Флер-де-Лиз, которая находилась неподалеку. Уилкокс слыл очень талантливым юношей, хотя и довольно эксцентричным, и с детства привлекал всеобщее внимание своими странными историями и снами, которые он имел обыкновение всем рассказывать. Он называл себя “психически сверхчувствительным”, но приземленные люди старого торгового города считали его обыкновенным чудаком. Он никогда особо не участвовал в светской жизни, поэтому постепенно круг его общения сузился до небольшой группы эстетов, и то из других городов. Вскоре даже в студии искусств, в которой жил Уилкокс, и которая, к слову, считалась довольно консервативной, его начали считать безнадежным и попросту ненормальным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/lavkraft_govard-fillips/zov-ktulhu

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити